

— Ха... Видишь, видишь же! — хрипло пожаловался Се Люй. — А Чжи, всё из-за... ха, всё из-за того, что ты не даёшь мне мяса. У-у-у — как больно! Как больно!

Сказав это, он весь затрясся от сильного спазма, стиснул зубы и уже не мог вымолвить ни слова.

Мужун Чжи освободил одну руку и приложил её к животу Се Люя, почувствовав, как внутри что-то живое бурно переворачивается, ядовитые насекомые метались туда-сюда, извиваясь, словно пытаясь пронзить его кишки.

— Э-э-ах... а-а— — Шея Се Люя вдруг резко запрокинулась, на губах мгновенно выступили кровавые точки от укуса.

Рука Мужун Чжи, обнимавшая его, дёрнулась в недоумении, на его лице отразилась полная растерянность.

В тот миг его сердце, вслед за мучительным выражением лица Се Люя, болезненно сжалось, как будто его тоже укусило что-то ядовитое, и ноющая боль не утихала.

Но как это возможно...

Жизнь и смерть Се Люя уже давно не имели к нему отношения.

Ему нужен был лишь его труп. Что касается того, как умрёт Се Люй, он вообще не должен был испытывать никаких эмоций.

...

Но Мужун Чжи всё равно покраснел от вида крови на губах Се Люя, поспешно достал из рукава носовой платок, сложил его и дал тому прикусить, затем взял его на руки и быстро отнёс на свою кровать.

— Е Пу, принеси мне набор серебряных игл.

Е Пу поспешно вышел. Мужун Чжи сначала нажал на несколько точек Се Люя, затем сильно помассировал точку чжун-цзи ниже пупка, пытаясь облегчить его боль.

— Я... я... — с трудом проговорил Се Люй.

— Где болит? Потерпи ещё немного, скоро станет лучше...

— Я... я хочу жареного гуся!

— ... Хватит болтать! Береги силы!

— У-у... всё из-за тебя... не даёшь мяса, в животе нет жира... поэтому... ха-а... так больно! А-а—

— Учитель, серебряные иглы принёс.

— Ложись спокойно. — Мужун Чжи взял иглы. — Се Люй, лежи спокойно, не дёргайся!

— А-а— у-а-а-а — раздался душераздирающий крик. Серебряная игла вонзилась в плоть, и снова выступили капельки крови.

— Я же сказал не дёргаться!

— Ха-а... я тоже, я тоже хочу не дёргаться. Хм, сам попробуй... сам попробуй вынести эти укусы насекомых?!

Мужун Чжи проигнорировал его, ввёл несколько игл в основные точки.

— У-у... всё равно больно... ничуть не лучше. — Се Люй лежал на спине, утыканный иглами, как ёж, от боли его глаза покраснели. — Ты вообще справишься? Шарлатан!

— Поменьше болтай, эффект не может проявиться сразу же!

— Если не сразу, тогда зачем меня колоть! Я... хочу, чтобы сразу помогло! А Чжи, разве ты раньше не готовил обезболивающий отвар, тот, что ты дал мне выпить, когда я обжёл руку?

— Это из снежного плода с Северной пустыни, сейчас во дворце его нет. Его уже семь-восемь лет не закупали с Северной пустыни, к тому же он для внешних травм, для ядовитых насекомых неизвестно, будет ли эффект.

— Мне всё равно... мне больно! Быстро свари мне его... ай-йо! Больно!

Мужун Чжи, не в силах справиться с его капризами, резко обернулся к ученику:

— Е Пу, ты можешь спуститься с горы, одолжить лошадь и немедленно отправиться в город Лоцзин? Думаю, в аптеках Лоцзина, возможно, ещё продают сушёные снежные плоды.

— Да, учитель! Ученик сейчас же выполнит! — Е Пу сложил руки в приветствии и принял приказ.

— Возьми побольше серебра! Если там не будет, тогда посмотри в соседнем городе Пинцзя! Быстрее туда и обратно!

— Есть!

— Ха... хе-хе, этот твой маленький ученик... куда послушнее другого.

— Поменьше говори и не дёргайся.

— А Чжи, мне больно... всё ещё очень больно. — Се Люй слабо усмехнулся. — В животе сильно болит... и холодно. Помассируй мне, помассируй, хорошо?

На тыльных сторонах рук Се Люя тоже были воткнуты иглы, они онемели и опухли, он не мог поднять их. Мужун Чжи тут же растёр руки, чтобы согреть, и положил ему на живот, даже сквозь кожу чувствуя движение насекомых внутри.

— Не кусай себя.

Он снова сложил шёлковую наволочку и дал Се Люю прикусить, одной рукой засунул её в его белую нижнюю одежду и начал мягко массировать его совершенно худой, лишённый мяса живот, медленно убаюкивая его.

После таких мучений прошла всего одна ночь, а Се Люй от боли промочил почти всё одеяло.

К полудню следующего дня наконец стало немного лучше, цвет лица стал землисто-серым, ещё

более увядшим и измождённым, чем накануне.

Мужун Чжи заменил ему одеяло и матрас, а А-Ли с неохотным видом внёс блюдо с невероятно ароматным, хрустящим снаружи и нежным внутри жареным гусем.

— То, что ты просил... чёрт, ещё и пришлось ради тебя убивать живность и нарушать обет!

— Жареный гусь! А Чжи, ты и правда лучше всех ко мне относишься! — Се Люй, казалось, был уже на грани смерти, но, увидев еду, мгновенно оживился. — Старший ученик приготовил?

А-Ли фыркнул и проигнорировал его.

— М-м-м! Старший ученик может и не преуспел в другом, но кулинарное искусство перенял у тебя, учитель. Ароматный, хрустящий, нежный — всё на месте, вкусно! Что скажешь? Раз уж ты и в других областях не очень преуспел, почему бы не спуститься с горы и не сменить профессию на повара?

— Ты—

А-Ли уже собирался возразить, но вдруг лицо Се Люя изменилось, горло сжалось, и он — бух! — бросился к изголовью кровати, вырвав всё, что только что съел.

— Кх-кх-кх... у-у... у! Ты что... подложил... у-у-у... ты убиваешь... убиваешь своего собственного деда-учителя...

Выговорив это, он выплюнул ещё несколько порций чёрной крови, следом за которой хлынула алая, устрашающе разбрызгавшись по полу.

— Учитель! Учитель, я невиновен! Я ничего не подкладывал! Совершенно ничего! Правда, просто обыкновенно зажарил гуся! Только лук, имбирь и соль, перца всего пару зёрен, больше ничего!

А тем временем Се Люй уже выворачивался наизнанку. После крови начал яростно рвать желчью, когда желчь кончилась, пошла прозрачная жидкость, после жидкости снова кровь. Мужун Чжи был в отчаянии, какое уж там внимание к словам А-Ли? Он поспешил нажать на точки Се Люя и ввести иглы, но эффект был минимален.

— Ч-что же это такое... почему, почему даже иглы не помогают?

Мужун Чжи крепко обнял Се Люя, чувствуя, что тот весь холодный как лёд.

Приложив его руку к своему лицу, он ощутил, будто прикоснулся к глыбе льда.

— Так нельзя... так... — дрожащим голосом произнёс он. — А-Ли, быстро свари имбирный отвар, нет, нагрей немного воды, быстрее!

А-Ли бросился бежать. Мужун Чжи обнимал дрожащего Се Люя, слыша, как тот слабым голосом, наоборот, утешает его.

— Ничего... ничего... не в первый раз. Раньше тоже... кх-кх, так рыгало. Ничего страшного... не твой ученик... я пошутил, чтобы напугать его... у-у...

Вся лужа крови резанула Мужун Чжи прямо в сердце, он беспомощно обнимал человека у себя на руках:

— Что делать? Я... что мне делать?

— Ничего страшного, А Чжи, со мной всё в порядке, ты, ты...

Се Люй вдруг затих, затем странно рассмеялся и снова хриплым дрожащим голосом произнёс:

— Что такое... ты, ты что, ещё и плачешь?

— Я...

Только тогда Мужун Чжи понял, что сам не знает, когда успел заплакать.

— Хе, к чему это, к чему ради такого как я... — Рука Се Люя потянулась к нему, но, не успев коснуться Мужун Чжи, снова схватилась за грудь, начав безостановочно рыгать.

— Холодно... так холодно. А Чжи, я... мне холодно... невыносимо холодно...

Мужун Чжи стиснул зубы, подхватил его на руки и быстрыми шагами вышел из спальни.

...

— А-Ли, почему вода до сих пор не нагрелась, прошло так много времени?

— Только что нагрелась, но ещё не закипела...

— Ладно, нагретой достаточно!

Се Люю казалось, что он чуть не умер.

Если бы не погружение в эту бочку с горячей водой, он бы точно умер от этого всепоглощающего холода.

В полубессознательном состоянии он почувствовал, как у него на пояснице зачесалось. Изосил пытаясь открыть почти не открывающиеся глаза, он увидел, как Мужун Чжи, нахмурившись, поглаживает длинный уродливый шрам у него на талии.

А, он раньше не видел эту рану, естественно, ему странно.

Это было во время войны с Юаньяо, когда двухметровый богатырь с алебардой разрубил его пополам. Вспоминая теперь, если бы он тогда стоял на полшага вперёд, возможно, его бы прямо на месте рассекли надвое.

Если бы он тогда погиб на поле боя... то в этой жизни уже никогда не увидел бы Мужун Чжи, никогда не вернулся бы сюда.

По сравнению с нынешним жалким существованием с больным телом, может, лучше было бы героически погибнуть на поле боя, завернутым в конскую шкуру?

...

— А Чжи...

Се Люю казалось, что он видел очень долгий сон. Во сне были только битвы и тяготы

последних десяти лет.

<http://bllate.org/book/15612/1393793>